

ЭДИТ
УОРТОН

•

ЭДИТ
УОРТОН

ОБЫЧАЙ
СТРАНЫ

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

Серия «Neoclassic проза»

Перевод с английского *М. Прокопьевой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Уортон, Эдит.

У64 Обычай страны : [роман] / Эдит Уортон ; [перевод с английского М. Прокопьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-178035-7

Начало XX века — эпоха ослепительной роскоши и непреклонных социальных барьеров. В этот мир, где все решают происхождение и связи, прибывает Ундина Спрэгг, девушка из провинции, — избалованная и эгоистичная, но при этом неотразимо обаятельная и одержимая честолюбивыми мечтами. Вместе с родителями она переезжает в Нью-Йорк, твердо решив покорить высший свет. Ее красота мгновенно приковывает взгляды, а природное обаяние помогает быстро влиться в светское общество. Ундина с поразительной легкостью осваивает тонкости этикета и умело завязывает нужные знакомства.

Но за безупречными манерами и сияющей улыбкой таится холодный расчет: для Ундины люди — лишь ступени на пути к цели, а брак — не союз сердец, а стратегический ход в погоне за богатством и влиянием.

Что ждет Ундину на вершине ее восхождения? Обретет ли она то, к чему так отчаянно стремится, — или цена успеха окажется слишком высока?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-178035-7

© Перевод. М. Прокопьева, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

I

— Ундина Спрэгг, что ты себе позволяешь? — возмутилась мать, прикрывая рано постаревшей рукой с тяжелыми кольцами записку, только что доставленную апатичного вида коридорным.

Но ее негодование, как и попытка утаить записку, были начисто лишены искреннего пыла. Она продолжала улыбаться гостю, а мисс Спрэгг проворными юными пальчиками выхватила послание и удалилась к окну с намерением его прочесть.

— Полагаю, письмо адресовано мне, — бросила она матери через плечо.

— Вы когда-нибудь *такое* видели, миссис Хини? — недовольно пробормотала миссис Спрэгг, однако вместе с возмущением в ее голосе явно слышались нотки гордости.

Миссис Хини, тучная дама делового вида в непромокаемом плаще, с откинутой с лица пожелтевшей вуалью и потертой сумочкой из крокодиловой кожи возле ног, одобрительно проследила за взглядом миссис Спрэгг.

— В жизни не видела более прелестной осанки, — согласилась она, отвечая скорее на мысли, нежели на вопрос хозяйки.

Миссис Спрэгг и ее гостя восседали в тяжелых креслах с позолоченной отделкой в одной из частных гости-

ных отеля «Стенториан». Комнаты Спрэггов были известны как «апартаменты Людовика», и стены гостиной, снизу обшитые тщательно отполированными панелями из красного дерева, в верхней части были затянуты розовой узорчатой тканью, на которой красовались овальные портреты Марии-Антуанетты и принцессы де Ламбаль. Пол устилал пестрый ковер; в центре его — столик с позолоченной ножкой и столешницей из мексиканского оникса служил подставкой для пальмы в золоченой корзинке, повязанной розовым бантом. За исключением сего украшения и лежавшего рядом томика «Собаки Баскервилей», в помещении не было ни намека на человеческое проживание, а сама миссис Спрэгг своим отстраненным видом напоминала восковую фигуру на витрине. Одетая она была достаточно модно, чтобы соответствовать этой роли, а бледное лицо с мягкими щеками, припухшими веками и вялым ртом словно было слеплено из воска, который подтаял и сбежал вниз, образовав второй подбородок.

На ее фоне облик миссис Хини действовал успокаивающе, внушая чувство приземленности и реальности. То, как ее сильное тело в черном одеянии ловко размещалось в кресле, а большие красные руки уверенно сжимали золоченые подлокотники, говорило об организованности и самодостаточной активности, что подкреплялось ее положением маникюрши и массажистки для «высшего общества». В отношении миссис Спрэгг и ее дочери она выполняла двоякую роль — массажистки и подруги; именно во втором качестве она заглянула по окончании рабочего дня в отель «Стенториан», чтобы «развлечь» одиноких дам.

Молодая девушка, чья осанка заслужила профессиональное одобрение миссис Хини, вдруг пошевелилась и отвернулась от окна.

— Пожалуй, можешь ее забрать, — сказала она, с презрением бросая скомканную записку на колени матери.

— Как же... разве это не от мистера Поппла? — неосмотрительно воскликнула миссис Спрэгг.

— Нет. С чего ты взяла, будто я думала, что это от него? — огрызнулась дочь, но мгновение спустя добавила, охваченная каким-то детским разочарованием: — Это всего лишь от сестры мистера Марвелла... во всяком случае, она утверждает, что приходится ему сестрой.

Миссис Спрэгг озадаченно нахмурилась и начала на ощупь искать монокль в угольно-черной бахrome туго затянутого лифа.

Маленькие синие глазки миссис Хини заискрились от любопытства.

— Марвелл... Что за Марвелл?

Девушка томно объяснила:

— Один непримечательный человек — кажется, мистер Поппл говорил, что его зовут Ральф...

Между тем ее мать продолжала:

— Ундина познакомилась с ними обоими на вчерашнем приеме в отеле. И поскольку мистер Поппл сказал ей о своем намерении посмотреть одну из новых пьес, она подумала...

— Откуда тебе знать, о чем я подумала? — вспыхнула Ундина. Ее серые глаза метнули на мать грозный предупреждающий взгляд из-под прямых черных бровей.

— Так ведь ты *сказала*, что подумала... — с упреком начала миссис Спрэгг, однако миссис Хини, не обращая внимания на перепалку между матерью и дочерью, раздумывала о своем.

— Что за Поппл? Клод Уолсингэм Поппл, портретист?

— Да, наверное... Он говорил, что хотел бы написать мой портрет. Мне его представила Мэйбл Липском. Мне

все равно, увижу я его снова или нет, — зардевшись от гнева, заявила девушка.

— Вы его знаете, миссис Хини? — спросила миссис Спрэгг.

— Как не знать! Я делала ему маникюр перед тем, как он написал свой первый портрет для высшего общества. Миссис Хармон Б. Дрисколл в полный рост. — Миссис Хини одарила слушательниц снисходительной улыбкой. — Я знаю всех. Если кто-то не знает *меня*, значит, он не стоит внимания, а Клод Уолсингэм Поппл — стоит. Но, разумеется, не *настолько*, — рассудительно продолжала она, — как Ральф Марвелл, этот, как вы его назвали, непримечательный человек.

Услышав это, Ундина Спрэгг повернулась к ней в той стремительной манере, которая так явно демонстрировала гибкость ее юного стана. Она постоянно крутилась и вертелась, и каждое ее движение как будто начиналось от затылка, как раз под приподнятым валиком золотисто-рыжих волос, и плавно охватывало всю ее стройную фигуру вплоть до кончиков пальцев и носков стройных, беспокойных ног.

— Ах, так вы знаете Марвеллов? Они популярны? — спросила она.

Миссис Хини взмахнула рукой с видом разочарованного учителя, которому так и не удалось взрастить ростки знания в сопротивляющемся разуме ученика.

— Ну как же, Ундина Спрэгг, я вам не раз о них рассказывала! Его мать из рода Дагонетов. Они живут со стариком Урбаном Дагонетом на Вашингтон-сквер.

Из этого объяснения миссис Спрэгг поняла еще меньше, чем ее дочь.

— Так далеко? Почему они живут с кем-то? Разве у них нет средств на собственный дом?

Ундина соображала быстрее. Она вперила пристальный взгляд в миссис Хини.

— Хотите сказать, мистер Марвелл так же шикарен, как мистер Поппл?

— Так же шикарен? Да вы что, Клод Уолсингэм Поппл ему в подметки не годится!

Девушка молниеносно подскочила к матери, схватила мятую записку и разгладила ее.

— Лора Фэйрфорд — так зовут его сестру?

— Да, миссис Хенли Фэйрфорд. Что она пишет?

Лицо Ундины засияло, словно его озарил луч закатного солнца, проникший сквозь тройные шторы на окнах «Стенториана».

— Приглашает меня пообедать с ней в следующую среду. Разве не странно? Почему *она* мною интересуется? Она ведь меня никогда не видела! — По тону девушки было ясно, что увидевшие ее потом непременно «интересовались» ею и она давно к этому привыкла.

Миссис Хини рассмеялась.

— Но ведь *он* вас видел, не так ли?

— Кто? Ральф Марвелл? Ну конечно, видел... Мистер Поппл привел его на вчерашний прием.

— Вот вам и ответ. Когда молодой человек из общества хочет вновь увидеться с девушкой, он просит сестру выслать ей приглашение.

Ундина изумленно уставилась на нее.

— Как странно! Но не у всех же есть сестры. Как уныло, должно быть, тем, у кого их нет.

— У них есть матери или состоящие в браке друзья, — заявила всезнающая миссис Хини.

— Женатые джентльмены? — спросила миссис Спрэгг, слегка шокированная, но искренне желавшая усвоить урок.

— Бог мой, нет! Замужние дамы.

— А джентльмены? Они там вообще бывают? — настаивала миссис Спрэгг, предвидя, что в противном случае Ундину определенно постигнет разочарование.

— Где именно? На обедах? Конечно, бывают. Миссис Фэйрфорд устраивает лучшие обеды в городе. В «Городских сплетнях» сегодня утром появилось описание обеда, который она давала на прошлой неделе. Кажется, у меня есть вырезка... — Наклонившись, миссис Хини вытащила из сумки кипу газетных вырезок, разложила у себя на коленях и, лизнув палец, принялась перелистывать. — Вот, — сказала она, протягивая одну из вырезок, и, откинув голову, начала медленно, монотонно читать: — «В прошлую среду миссис Хенли Фэйрфорд дала очередной чудесный небольшой обед, он, как обычно, был модным для узкого круга, и тем, кто не был приглашен, оставалось лишь скрежетать зубами от отчаяния, узнав, что мадам Ольга Луковска продемонстрировала после обеда кое-что из новых *steppe dances...*» Это «новые танцевальные движения» по-французски, — пояснила миссис Хини, засовывая бумаги обратно в сумочку.

— Вы и миссис Фэйрфорд знаете? — жадно спросила Ундина.

На миссис Спрэгг все это тоже произвело впечатление, однако ей хотелось услышать факты.

— Она живет на Пятой авеню?

— Нет, у нее небольшой дом на Тридцать восьмой улице, за Парк-авеню.

Дамы вновь поникли, но массажистка поспешно продолжала:

— Впрочем, ее всегда с радостью принимают в больших домах!.. Разумеется, я ее знаю, — обратилась она к Ундине. — Пару лет назад я массировала ей лодыжку

после вывиха. У нее прелестные манеры, но она *не умеет* поддержать разговор. А среди моих пациентов есть превосходные собеседники, — со значением добавила миссис Хини.

Ундина раздумывала над запиской.

— Она адресована маме — миссис Абнер Э. Спрэгг, — никогда не видела ничего более забавного! «Позволите ли Вы своей дочери отобедать со мной?» Позволите! Ну не странная ли эта миссис Фэйрфорд?

— Нет, странная как раз вы, — без обиняков заявила миссис Хини. — Разве вы не знаете, что в высшем обществе принято делать вид, будто девушка шагу не может ступить без дозволения маменьки? Запомните это, Ундина! Вы не должны принимать приглашения от джентльменов, не сказав, что сначала вам нужно испросить разрешения у матери.

— Боже! Но откуда мама узнает, что сказать?

— Разумеется, она скажет то, что вы ей велите. А вы ей скажете, что желаете отобедать с миссис Фэйрфорд, — со смехом прибавила миссис Хини, кутаясь в пальто и наклоняясь за сумочкой.

— Значит, мне нужно написать ответ? — заволновалась миссис Спрэгг.

Миссис Хини задумалась.

— Полагаю, Ундина сама может написать от вашего имени, ведь миссис Фэйрфорд не знает вашего почерка.

Миссис Спрэгг испытала явное облегчение и, когда Ундина с запиской в руках упорхнула к себе в спальню, откинулась на спинку кресла и жалобно прошептала:

— О, не уходите сейчас, миссис Хини. Я весь день не видела ни одного человека и так и не придумала, о чем говорить с горничной-француженкой.

Миссис Хини взглянула на хозяйку с добродушным сочувствием. Она прекрасно понимала, что только она приносит радость в жизнь миссис Спрэгг. С тех пор как года два назад Спрэгги перебрались из Апекс-сити в Нью-Йорк, они практически не обзавелись никакими связями в новой среде. Четыре месяца назад, когда доктор миссис Спрэгг пригласил миссис Хини для оказания профессиональных услуг своей пациентке, он думал не столько о ее телесных недугах, сколько о душевных. Миссис Хини и раньше сталкивалась с похожими «ситуациями»: ей были знакомы беспомощные состоятельные семьи, затерянные в одинокой роскоши шикарного вестсайдского отеля, в которых отец был вынужден искать подобие общества в отельном баре, а мать, лишённая даже такой возможности, заболела от скуки и бездействия. В юности бедняжка миссис Спрэгг сама занималась стиркой, но поскольку взросшее состояние сделало это занятие недостойным, она погрузилась в относительную инертность, в которой дамы Апекс-сити видели одну из прерогатив богатства. Однако в Апексе она состояла в общественном клубе и, пока они не переехали в Мили-Хаус, была занята непрерывной борьбой с домашними заботами. Нью-Йорк же не предлагал дамам никакой достойной деятельности. Таким образом, она вела жизнь опосредованно с помощью миссис Хини, а та умела разминать не только мышцы, но и воображение. Именно миссис Хини скрашивала одиночество долгих, призрачных дней живыми историями о Ван Дегенах, Дрисколлах, Чонси Эллинггах и прочих сливках общества, за мельчайшими деталями жизни которых миссис Спрэгг с Ундиной в Апексе следили издали посредством газет, но которые теперь, когда мать и дочь от Олимпа отделяли лишь просторы Центрального парка, казались еще более далекими и недостижимыми.

Личных амбиций у миссис Спрэгг не было — все ее мысли были заняты исключительно дочерью, — но она страстно желала, чтобы Ундины получила все, что ее душе угодно, и порой грезила, что миссис Хини, с такой фамильярностью переступавшая священные пороги, когда-нибудь и для Ундины добудет входной билет.

— Что ж, если хотите, я чуть-чуть задержусь. Давайте-ка поухаживаю за вашими ноготками, пока мы беседуем? Так будет уютнее, — предложила массажистка и, взяв сумку, начала выставлять на блестящую черную столешницу флаконы и полировальные приспособления.

Миссис Спрэгг охотно сняла кольца с маленьких, покрытых пятнами рук. Доверив себя заботам миссис Хини, она успокоилась и, хотя знала, что подобное внимание обойдется ей в три доллара, была уверена, что Абнер возражать не станет. С момента их скоропалительного отъезда из Апекс-сити ей было ясно, что Абнер твердо решил не возражать и любой ценой «осуществить» нью-йоркскую авантюру. Цена, скорее всего, будет значительной. Они прожили в Нью-Йорке два года без какой-либо выгоды для дочери, а ведь переехали сюда именно за этим. Если в то время и существовали какие-нибудь иные, более важные причины для переезда, ни миссис Спрэгг, ни ее муж никогда не упоминали о них — даже в золоченом одиночестве своей спальни в отеле «Стенториан»; эта тема была столь плотно окутана тишиной, что миссис Спрэгг позабыла о ее существовании. Она и правда верила, что они покинули Апекс, потому что, как утверждал Абнер, Ундине там тесно.

Пока что Нью-Йорк был для бедняжки слишком велик. Его равнодушные толпы не обращали на нее никакого внимания, и мать дрожала от ужаса при мысли, что одна-

жды она это осознает. Со своей стороны, миссис Спрэгг, обладавшая безграничным терпением, ничего не имела против долгого ожидания, однако недавно стала замечать, что Ундина начинает тревожиться, а более всего они с мужем опасались нервозности дочери. В следующие свои слова миссис Спрэгг неосознанно вложила материнское беспокойство.

— Очень надеюсь, она теперь утешится, — пробормотала она и, когда ее рука утонула в широкой ладони миссис Хини, сама почувствовала себя спокойнее.

— Кто? Ундина?

— Да. Она так надеялась, что этот мистер Поппл нанесет нам визит. Судя по тому, как он вел себя вчера, она полагала, он непременно заглянет сегодня утром. Бедняжка, она так одинока. Я ее понимаю.

— О, заглянет, конечно! В Нью-Йорке все происходит не так быстро, — сказала миссис Хини, весело орудуя полировальным инструментом.

Миссис Спрэгг вновь вздохнула.

— Наверное... Говорят, в Нью-Йорке вечно торопятся, но что-то они не спешат знакомиться с нами.

Миссис Хини подалась назад, оценивая плоды своего труда.

— Подождите, миссис Спрэгг, подождите. Из-за спешки иногда приходится пороть весь шов.

— Ах, это так... это *так!* — воскликнула миссис Спрэгг трагическим голосом, отчего массажистка подняла голову и взглянула на нее.

— Конечно, так. А к Нью-Йорку это подходит больше, чем к какому-либо другому месту. Неподходящее общество — точно липкая бумага от мух: попадете в него, и сколько ни вырывайся, сбежать уже не сумеете.

Мать Ундины снова беспомощно вздохнула.

— Хотела бы я, чтобы *вы* сказали об этом Ундине, миссис Хини.

— Ах, у Ундины все хорошо. Такая девушка может позволить себе подождать. А если молодой Марвелл действительно находит ее обворожительной, весь город вскоре будет у ее ног.

Эта утешительная мысль позволила миссис Спрэгг полностью отдаться во власть миссис Хини, чьи благодеяния растянулись на чудесный, полный откровений час; когда же она наконец распрощалась с массажисткой и принялась возвращать на пальцы кольца, дверь открылась и появился ее супруг.

Мистер Спрэгг вошел бесшумно, положил цилиндр на столик и бросил пальто на одно из позолоченных кресел. Это был довольно высокий, сутуловатый мужчина с седой бородой и рыхлым телом человека, ведущего сидячий образ жизни, склонного к полноте, от которой его спасало лишь расстройство пищеварения; над настороженными серыми глазами с припухшими нижними веками взлетали такие же прямые черные брови, как у дочери. Поредевшие волосы отросли не по моде и касались ворота пальто, а на груди, поперек мятого черного жилета, висел на тяжелой золотой цепи знак масонов.

Он замер посреди комнаты, окидывая изукрашенную позолотой бездну медленным пытливым взглядом, и мягко сказал:

— Ну что, матушка?

Миссис Спрэгг не стала вставать, но задержала на нем полный нежности взгляд.

— Ундину пригласили на обед, и миссис Хини говорит, это одно из первейших семейств. Сестра одного из джентльменов, с которым ее вчера познакомила Мэйбл Липском.